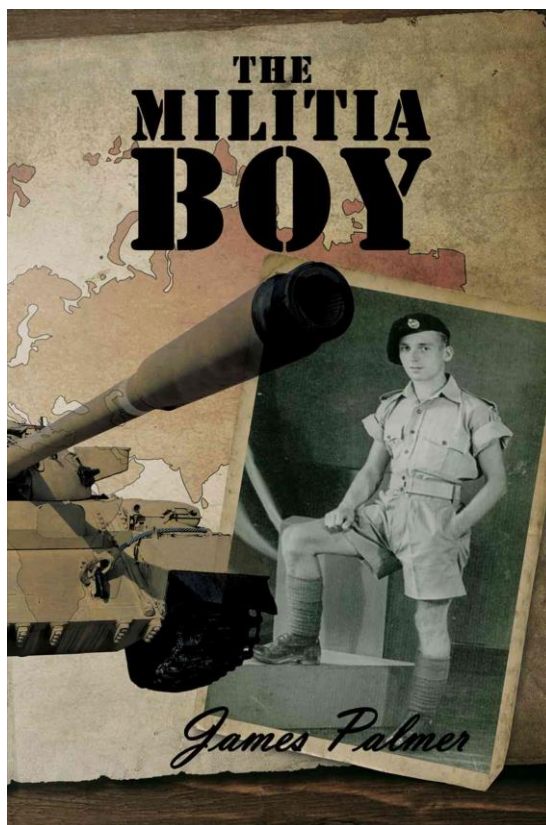

ВОСПОМИНАНИЯ БРИТАНСКОГО ТАНКИСТА ДЖЕЙМСА ПАЛМЕРА - ЧАСТЬ 4 ИТАЛИЯ И ГЕРМАНИЯ, 1944-1945

Джеймс Палмер (James Palmer) родился в 1918 году в Манчестере. В 1939 году он записался в Милицию (Militia). В военизированных частях этой организации молодых людей возрастом 20-22 года 6 месяцев готовили к военной службе, после чего отправляли в запас. Начавшаяся ВМВ изменила ситуацию, и записавшиеся в Милицию стали обычными армейскими рекрутами. Палмер стал танкистом и впоследствии в составе 2-го Королевского Танкового Полка принял участие в боевых действиях во Франции, Северной Африке, Бирме и Италии. В конце войны он вновь оказался в Западной Европе, но больше не принимал участия в боевых действиях. Он оставил книгу воспоминаний о войне и умер в 1996 году.

Фотография Джеймса Палмера на обложке его книги *The Militia Boy*

В ИТАЛИИ

Мы высадились в Таранто в марте 1944 года и совсем скоро уже были на марше в направлении Неаполя. Здесь мы присоединились к армии генерала Кларка* для очередного наступления на Кассино. Тем временем союзники осуществили еще две десантные операции в районе Анцио/Anzio и Неттуны/Nettuna, но оба десанта стали топтаться на одном месте, что сохранило роль Кассино как главного препятствия для какого-либо продвижения на север. Наш марш на запад прошел через горы и вывел нас к долине реки Вольтурно/Volturno к югу от Рима и к востоку от Кассино. Только тут мы поняли, что наша боевая подготовка в горах Сирии не была пустой тратой времени.

Местность была гористой и почти непроходимой для гусеничной техники. Все мосты через реки были взорваны немцами. Их небольшие оборонительные пункты были во всех речных долинах и на всех скалистых вершинах. Эта местность очень подходила для ведения оборонительных боев, а немецкая пехота в тактике таких боев весьма поднатрела. Немецкая артиллерия была мобильной и эффективной, и она делала наше продвижение вперед трудным и медленным, но встречных сражений здесь не происходило. Для нас это стало зачисткой какого-нибудь перевала, затем обнаружением следующего, на котором был небольшой заслон из пехоты, поддержанной тяжелой артиллерией. Наши танки были почти бесполезны в этом сценарии боевых действий, и мы поняли, что не можем маневрировать здесь достаточно быстро... Это был край, где должна была сражаться пехота, и последовательность событий для нас была всегда одной и той же. Немцы удерживали позиции, британская пехота медленно продвигалась вперед. Затем немцы отходили, взрывали мосты и оставляли минные поля. Потом вперед двигались наши танки, чтобы закрепиться на линии максимального продвижения пехоты. Сделав это, мы выясняли, что немцы отошли на несколько миль и закрепились на новых позициях. Следствием было то, что мы всегда оказывались напротив заслонов, расположенных на горных вершинах. Немцы на своих оборонительных позициях всегда оказывались в более выгодном положении, чем мы.

К маю 1944 года очередное наступление на Кассино должно было вот-вот начаться. К армии генерала Кларка присоединилась армия генерала Александера**. У последнего в распоряжении была смесь британских пехотных и танковых частей, поляков и французов, а также обстрелянных ветеранов 4-й Индийской Дивизии. Тех, кто сражался столь отважно в [североафриканской] пустыне.

Прелюдией к финальному аккорду сражения за Кассино стали бомбежка и артобстрел города и монастыря на вершине. Бомбардировка была столь интенсивной, что развалины и воронки стали проблемой для наших собственных бронетанковых частей, которые не могли оказать пехоте должную поддержку. Поляки форсировали реку Рапидо к северу от города и продвигались к монастырю из района Понтекорво/Pontecorvo. Наша пехота медленно пробивалась через город к подножию горы. Начались уличные бои, снайперы противника вели огонь из-за каждой полуразрушенной стены и из каждой воронки... Наши танки использовались для мобильной огневой поддержки пехоты. Пехоту можно было снабжать только с помощью мулов, поэтому ведущие в гору тропы были усеяны их трупами, растерзанными бомбами и снарядами...

Линия Густава была прорвана, когда наши части форсировали реку Рапидо и вышли в долину реки Лира/Lira. В то же время поляки пошли на штурм монастыря между Понтекорво и Фрозиноне/Frosinone. Где-то в середине мая наступила мертвая тишина. Прекратился треск пулеметов, перестали падать снаряды, дым куда-то улетучился. Наступил конец сражения, но мы не могли в это поверить. Все онемели, измотанные боями. Группы немецких юнцов медленно спускались вниз по склонам с поднятыми руками. Они сваливали свое оружие в огромные кучи прямо на улицах города. Для них война окончилась...

На севере американцы прорвались через периметр, окружающих плацдарм у Анцио. Дорога на Рим была открыта. Немцы отступили на север от Рима и закреплялись на следующей оборонительной линии. Это была Готская Линия...

Бронетанковые части хлынули через Кассино, на север двинулись и пехотные батальоны. Резервные части сменили сильно потрепанные войска. Инженерные части бульдозерами расчищали дороги от обломков. Всюду были санитарные фургоны, которые развозили раненых по перевязочным пунктам. Уставшие солдаты сидели по обочинам, покуривая, попивая чай и глядя на все происходившее без особого интереса. Да, это была пиррова победа! Я пришел к выводу, что май и июнь были для меня дурными месяцами. Май 1940 – отступление из Франции. Май 1941 – форт Капуццо, Сиди Омар и Сиди Резег в пустыне. Май 1942 – отступление из Бирмы. Теперь, в мае

1944 – холокост под Кассино. Но я все еще оставался целым и невредимым, так что все еще было не так уж и плохо!

Танкисты 2-го Королевского полка осматривают уничтоженную Пантеру
<http://www.desertrats.org.uk/bde/7thABartefacts2.htm>

Наше продвижение вверх по долине реки Лира было замедлено обилием оставленных немцами минных полей к северу от Линии Густава. Кроме того, тут оказалась вторая линия обороны немцев, которую они называли Линия Гитлера. Немцы использовали *задерживающую тактику*, и это вправду замедляло наше продвижение. Поляки, которые столь храбро сражались под Кассино, прорвали оборону немцев и захватили Пьемонте только к концу мая. Теперь дорога на Рим была открыта окончательно... В воскресенье, 4 июня, в Рим вошли союзники, а через два дня мы узнали о вторжении в Нормандию. Дела наши шли хорошо, и если бы мы продолжили наступление на север, силам Кессельринга*** не хватило бы времени на то, чтобы закрепиться на линии Пиза–Римини. Мы могли бы оттеснить немцев к Альпам, и Итальянская кампания была бы завершена. Но этому не суждено было тогда случиться...

После падения Рима мы обошли город с севера и встали. Тем временем существенная часть сил генерала Кларка была снята с фронта для участия во вторжении в Южную Францию и отвлечения сил противника от Нормандии. То же произошло в феврале 1941-го, когда мы обратили итальянскую армию Грациани**** в бегство. Тогда мы могли бы продолжить наступление на Триполи и тогда уже закончить Североафриканскую кампанию. Но произошло так, что австралийцев перебросили на Крит. А так я все еще считаю, что в Североафриканской и Итальянской кампаниях часть сил немцев была связана, и, таким образом, это ослабляло их давление на европейских театрах военных действий...

В конце июля мы переместились в район, расположенный непосредственно к северу от Рима, для короткого отдыха. Место называлось Лидо де Рома/Lido de Roma. Было жарко и не было житья от мух, но мы несколько дней отдыхали и навещали Рим. Въехав в город, мы поняли, что недавние бои не нанесли ущерба городу... Он производил впечатление, которое портили разложение и коммерциализация. Продуктов не хватало, на улицах было жарко и пыльно. Восхитительные дворцы и храмы с красивыми фонтанами и садами затмевали грязь и нищету задворков и бедных кварталов. Попрошайки, сутенеры, проститутки, ворье и спекулянты были везде и всюду. Никто никогда не хотел иметь Муссолини [у власти], или так теперь все говорили. И определенно никто никогда не был фашистом! Я тогда думал, что итальянцы – скользкий народ, и

лично я не хотел ничего от Рима с его тлением и аморальностью. Я считаю, что мы должны были оставить их с их германскими хозяевами.

В конце июля мы двинулись на восток в направлении Адриатического побережья. Здесь начиналась трудная кампания, продолжившаяся зимой. Наша следующая операция имела место в глубине Апеннин, в районе городов Спудетто/Spuleto и Перуджа/Perugia. Это была отвратительная местность, совершенно не подходившая для использования танков. Говоря об оборонительных линиях, таких как Линия Густава, Линия Гитлера или Готская Линия, я хотел бы охарактеризовать их следующим образом: эти линии не были непрерывными, как Линия Мажино во Франции. Нет, Линия Мажино была жесткой линией окопов с артиллерийскими позициями, проволочными заграждениями и ДОТами, протягивающаяся на многие мили. Линии Густава и Гитлера и Готская Линия, на самом деле, состояли из изолированных узлов обороны на вершинах гор или в глубоко врезанных долинах. Эти узлы были словно бусины на шнурке.

В обычных условиях можно было бы атаковать «бусины» с фронта или обойти их с флангов, отрезав пути снабжения. Можно было бы атаковать их и с тыла. В Италии все эти сценарии были невозможны из-за характера местности. Нашей бронетехнике негде было маневрировать, так что от танков толк мог быть разве что на равнинах к востоку или в широких долинах По и Лирь.

У немцев было преимущество, поскольку их линии снабжения на севере были в безопасности, а располагая позициями на горных вершинах, они могли наблюдать за всеми нашими перемещениями. Несколько 88-миллиметровок, расположенных на вершине горы, и хороший пункт наблюдения, корректирующий стрельбу, могли задержать целую дивизию на несколько дней. Стоило одному нашему танку сдвинуться с места, как на него обрушивался шквал снарядов... Пехоте приходилось биться за каждый дюйм, продвигаясь вверх по горным тропам, но стоило ей взять один узел обороны, как выяснялось, что противник отошел и обосновался на другом, расположенном на следующей горной гряде.

Само собой, немцы оставляли за собой взорванные мосты и разбросанные по горным дорогам мины. Они начали использовать мины нового типа в деревянном корпусе, которые было крайне трудно обнаружить с помощью обычного миноискателя. Это были противопехотные мины, взрывавшиеся где-то в одном над землей. Пострадавшему почти гарантированно отрывало ноги ниже коленей.

Их артиллерия была также весьма эффективной. Их 88-миллиметровки намного превосходили наши пушки, и еще у них были многоствольные минометы под названием *Nebelwerfer*, выпускающие шесть снарядов сразу. Характерной особенностью Итальянской кампании был постоянный беспокоящий огонь противника. Смотришь на другую сторону долины, видишь вспышку, затем слышишь ужасающий свист летящего над головой снаряда. Затем видишь облако дыма там, где он упал, за чем следует грохот взрыва. Наихудшим вариантом было падение снаряда неподалеку от тебя, после чего воздух наполнялся раскаленной шрапнелью, которая с шипением осыпала нас белым металлическим дождем. Не думаю, что между июнем и ноябрем 1944 года был день, когда бы не было артобстрела. Мы были в радиусе действия артиллерии противника постоянно. В предыдущих кампаниях мы всегда могли убраться из обстреливаемого пространства, перегруппироваться и подготовиться к следующему встречному бою. Здесь встречных боев просто не было: было постоянное прощупывание [обороны противника] со скоротечными боями, которые продолжались пару часов. Наши концентрированные атаки натывались на ожесточенное сопротивление фанатично настроенных немецких юнцов, которые считали, что умереть, стреляя по врагу из пулемета, - прямой путь в *Вальхаллу******...

Один такой бой случился близ Перуджи на восточных склонах Апеннин. Мы очень медленно продвигались на север, по несколько миль в день. Лил дождь, горные ручьи превратились в бурные потоки. Пехотинцы перемещались от одной воронки к другой, в то время как мы поддерживали их

огнем, когда они натыкались на огневые точки врага. Дважды нас просили выдвинуться вперед и подавить пулеметные гнезда. Стоило нам выкатиться впереди пехоты, как на нас обрушился жесточайший огонь артиллерии и минометов. Огонь вели с окружающих высот, нам он большого ущерба не нанес, но у пехотинцев защиты не было. Они стали орать на нас, требуя, чтобы мы убрались, так как наша попытка помочь только ухудшила их положение. Вот так бывало: пехоте была нужна наша поддержка, но когда мы двинулись вперед, бедных парней в их воронках и закопашках начало перемалывать, поскольку танки стали целью противника...

Был день, когда мы атаковали невысокую гору близ города Урбино/Urbinò. В конце, когда местную деревню штурмовали пехотинцы, противник отступил к кладбищу на северных склонах горы за деревню. Немецкая пехота засела за гранитными памятниками с пулеметами. Сцена боя была мрачной. Обе стороны вели огонь из-за памятников, расположенных всего в 25 ярдах друг от друга. С обеих сторон стреляли минометы, а мы, танкисты, могли только наблюдать за этим со стороны, опасаясь открывать огонь, потому что могли попасть по своим. Все было так, будто мы смотрели кино. Все казалось нереальным. Могилы раскрывались от прямых попаданий, в воздух взлетали кости и целые скелеты. Раненые оставались лежать среди останков давно умерших людей. Мы просто стояли, смотрели на это, остолбенев, и просто не верили в то, что это действительно происходит. Я помню то, о чем думал тогда, - я думал, что схожу с ума. Когда же это кончится? Уже больше четырех лет я участвовал в преднамеренном уничтожении части человечества. Мне казалось, что с каждым днем я все глубже погружаюсь в бездну людского безумия. Это когда-нибудь закончится? Закончится ли это тем, что я стану одной из жертв этой истерии? Я чувствовал, что мне дурно от всего этого, что я уже отчаялся от этого сумасшествия. При этом я окончательно потерял веру в священность дара жизни...

После этого боя мы оказались в независимом государстве Сан-Марино с его замком на вершине горы. У Сан-Марино была собственная маленькая армия. Ее военнослужащие были одеты как оловянные солдатики из итальянских опер. Когда мы прибыли на место, все гражданское население укрылось в железнодорожном тоннеле. Немцы ушли. Наша танковая колонна съехала с горной дороги. Справа от нас находился обрывистый склон речной долины. Уже четыре дня постоянно шел дождь, и дорога шириной всего в 20 футов утопала в грязи. Вниз по склону стекали потоки воды, они скатывались с дороги словно водопад. Танки прижались к склону и оставались там до рассвета. Затем мы обошли гору, чтобы присоединиться к нашей пехоте, которая продвинулась вперед в направлении города Каррара/Carrara. Наша колонна снабжения расположилась в долине в нескольких милях от фронта. Нам разрешили поспать, и мы улеглись под машинами, укрывшись плащ-палатками. Места, чтобы вытянуть ноги, не было, мы были мокрыми по уши, настолько мокрыми, что останься мы под дождем, было бы ненамного хуже...

Где-то в два часа ночи мы проснулись от грохота, доносившегося со стороны тыла. Грохот усилился. В свете луны мы увидели, как склон горы сползает к дороге. Пока мы смотрели на это, последний танк в колонне, казалось, перевернулся и утонул в грязи. Затем вся дорожная выемка соскользнула сползла в реку с оглушительным грохотом. Танкисты, спавшие под своей машиной, утонули. Поднялась паника, и мы умчались со склона горы, словно *летучие мыши из ада (like bats out of hell)*.

Союзники взяли город Римини, расположенный на восточном побережье, и Готская Линия была прорвана. Мы были на пути к долине реки По, и гористая местность стала сменяться волнистыми равнинами. Нам было приятно снова оказаться на открытом пространстве... Когда мы подошли к городу Модена/Modena, нас отправили на патрулирование. Наступил момент, когда нам пришлось вернуться, чтобы дозаправить машину. Мы укрылись за небольшим зданием фермы, и вошли в дом. Там мы наткнулись на небольшую группу пехотинцев, которые отдыхали и ждали, чтобы их подбросили в тыл. Пришла их очередь отдыхать, и их сменщики только что прибыли на передовую. Они растянулись на полу и кипятили чай. Дымилась сигареты... Помещение было довольно большим, и двое парней установили пулемет в одном из окон, на всякий случай. В другом конце

комнаты была здоровенная печь. На полке над ней стояли красивые часы с мраморным корпусом и позолотой. Это было превосходной добычей, и я пошел туда, чтобы прихватить их. Я не сделал и двух шагов, как пехотинцы завалили меня на пол регбийным захватом. «Ты – долбаный придурок! Это заминированная ловушка!» - оралли они. Я тут же понял, какую глупость собирался совершить... Чай уже был почти готов, когда из дверей донесся шум. Рыча и хохоча, в комнату завалились пятеро гуркхов. Эти гуркхи были отличными ребятами, они всегда улыбались, и, по моему мнению, были лучшими в мире солдатами. Их всюду и всегда приветствовали. Один из них глянул на часы, и, прежде чем мы сумели остановить его, он приблизился к часам и взял их в руки. Оказалось, что никакой ловушки там не было, так что он уложил часы в свой ранец. Мы покатались со смеху, обозвали его нахалом, но никто из нас не испытывал зависти...

Флоренция была взята, пал и город Римини. Готской Линии больше не было, и немцы отошли к реке По. Наступил зима, полетели снежинки, вершины гор стали белыми. Стало холодно, сыро и мерзко. Всюду была грязь, артобстрелы продолжались днем и ночью. Мы были измотаны, настроение становилось все более подавленным. Конца всему этому не было видно. Каждый раз перед нами оказывалась еще одна река, которую нужно было форсировать, или еще одна гора, на которую предстояло взобраться. Погода ухудшалась. Радости от того, что мы теснили противника к Альпам, на самом деле, было мало. Нам казалось, что надежды на то, чтобы закончить бои с этими бесчувственными немецкими пехотинцами, просто нет. Они и сам не знают, побиты они или нет. А правда заключалась в том, что мы были измотаны до предела.

С холмов мы смотрели вниз на долину реки По с ее разбросанными там и тут скальными выступами. Отсюда мы рассчитывали нанести завершающий удар. В это время я работал с офицером разведки и как-то получил приказ срочно привезти офицера разведки в штаб Бригады на бронетранспортере. Что-то происходило. Во-всяком случае, я ехал в тыл, где будет поспокойнее. Я также надеялся сменить одежду и хорошо выспаться. По прибытии в штаб я оставил офицера и нашел кухонный грузовик. Там оказались мои приятели из подразделения связистов. Я немедленно получил кружку чаю и сэндвич с тушеной говядиной. Парни из тыловых частей, казалось, знали больше обо всем, чем мы на передовой. Говорили о том, что нас отведут в тыл, как только мы переправимся через реку.

На следующий день, когда мы возвращались на передовую, офицер сообщил мне действительно радостную новость. Пришел приказ о том, что солдаты, прослужившие три года за границей, будут отправлены домой, в Англию! Я был ошеломлен. Быстро произведя расчеты, я осознал, что не был дома с апреля 1940, не считая короткого отдыха после Дюнкеркских событий. Я пробыл за морями более четырех лет и теперь имел право вернуться домой. Это сработала схема *Python*! Я просто не мог этому поверить!

Посчитали, что в нашей части таких было, по меньшей мере, девяносто человек. Все они находились в рядах батальона с самого начала, с первых дней во Франции, и все они отправляются домой. Это означало, что с передовой будет отведен весь батальон, оставив полк ослабленным, пока не придут подкрепления.

Когда мы вернулись в часть, новости добрались до всех остальных. Все лихорадочно взялись за расчеты – кому ехать, а кому оставаться. У тех, кто не прошел, никакой злобы не было, но тех, кто заслужил отъезд, прозвали *Ублюдки Джэмми/Jammy Bastards******. Через какое-то время списки были утверждены, а танковые экипажи реорганизованы. Те, кому повезло, были вывезены в небольшую деревню под названием то ли Капель Френтано/*Castel Frentano*, то ли Капель Сант-Анджело/*Castel Sant'Angelo*. Оставшиеся [без экипажей] танки были отведены в резерв ждать пополнений, ожидаемых через несколько дней.

Тем временем меня послали в замок на горе, с которой просматривалась долина реки По. На мне были обязанности наблюдателя и артиллерийского корректировщика. У меня были радиостанция

и подробная карта. Я выходил на связь, когда видел вспышки выстрелов вражеских пушек. Эти вспышки было необходимо привязать к карте, чтобы на них можно было навести огонь и угомонить их. Хотя замок был за линией фронта, он все еще находился в поле досягаемости для вражеской артиллерии, так что его регулярно обстреливали каждый день. По счастью, его стены были 7-8 футов в толщину. Единственной проблемой были осколочные снаряды... Дорога, ведущая к замку, поднималась по северному склону горы. Все, что двигалось к воротам замка, было открытой целью для противника. Когда подъезжали грузовики, их до ворот замка сопровождали белые облака дыма от разрывавшихся за ним снарядов. Некоторые получали повреждения и оставались на дороге, подъезжающие позднее сталкивали их на обочину. В сам замок снаряды попадали постоянно, но они всего лишь царапали его толстые стены...

Дни были долгими, и я опять меня одолели тяжелые чувства. Я знал, что вскоре меня здесь не будет, но меня одолевали мрачные предчувствия. Я знал, что в последний момент удача может покинуть меня. На одном из этих снарядов окажется мое имя. Я был пуглив и насторожен. Я даже стал бояться спускаться вниз из башни в столовую. Когда летел осколочный снаряд, я забивался в щели в стенах и молил бога о том, чтобы он дал мне немного больше времени, чтобы убраться отсюда. Вспоминая об этом, я теперь осознаю, что, когда дела становились невыносимыми, я всегда молился богу. В прочие моменты я даже не думал о нем...

Я нервничал все больше и больше, был в страхе и даже слегка помутился разумом. Каждый день я пытался узнать, когда они собираются снять меня с моего боевого поста в замке. То, что я был тут в большей безопасности, чем в течение многих месяцев до этого, никак не влияло на мое депрессивное состояние. Я все еще был убежден в том, что не дотяну до конца. Но, в конце концов, я получил сообщение о том, что посылают замену, и мне нужно собираться. Шел дождь, когда я увидел разведывательную машину, забирающуюся на гору. Она прошла где-то полпути, когда начался артобстрел. Клубы дыма поднялись в воздух перед машиной и за ней. Каждый, казалось, падает ближе, чем предыдущий. Я вжался в щель в стене, глядя, как машина подъезжает все ближе и ближе. Помню, что я плакал, молился и сыпал проклятиями. Я не мог оторвать глаз от небольшой беспомощной машины, прорывающейся через разрывы. Шрапнель осыпала стены замка, но я стоял, остолбенев и обливаясь потом... Сделав последний рывок, небольшая машина влетела во двор замка, закрытый внутренними стенами. Я в горячке слетел со ступенек, ведущих из башни, прижимая к себе свой пулемет и небольшую сумку. За день до этого я нашел в башне старый сундук и внутри него – красивую скатерть. Я затолкал ее себе в сумку, и она до сих пор хранится у меня, но она такая большая, что у меня нет такого большого стола, на который ее можно было бы постелить...

Разведывательная машина развернулась, я запрыгнул в нее, а мой сменщик выпрыгнул из нее. Все за одно мгновение. Не останавливаясь, водитель проскочил через ворота в замок и покатился вниз под гору. Не успели мы отъехать, как снаряды снова начали падать и грохотать. Я визжал и орал, я просто бесился. Низко пустив голову, я молился: «Господи, будь добр, дай мне еще пять минут!» Мы съехали к подножию горы и нас занесло влево, за какие-то каменные глыбы. Мы были в безопасности! Обстрел прекратился, я начал истерически хохотать, в то время как водитель, Фред, повел машину одной рукой, другой зажигая две сигареты для себя и для меня... Мы присоединились к другим парням, ожидающим отъезда. Потом, вечером, когда деревня попала под бомбежку, мы тронулись в путь на юг в направлении Неаполя. Я был цел и невредим!

Путешествие в Неаполь был долгим и утомительным. Утешало то, что мы едем в правильном направлении. Мы проехали вдоль Адриатического побережья до города Фоджа, затем повернули на запад, пересекли Апеннины и приблизились к Неаполю на небольшом расстоянии пешего хода от подножия Везувия и древнего города Помпеи. Мы быстро глянули на руины, а затем съехали вниз к окраине города и большому транзитному военному лагерю посреди большого поместья.

Это было мерзкое место, забитое военнослужащими, перебрасываемыми с места на место. В основном это были подкрепления, направляющиеся к линии фронта. Здесь были тысячи людей с изрядной долей тех, кто дезертировал с передовой. Никто не знал, кто есть кто, всюду был просто полный хаос. Чтобы тебя накормили, нужно было получить купон в лагерной комендатуре. Очередь на завтрак начинала выстраиваться в 6 утра и стояла, пока не кончалась еда. В иные дни приходилось стоять в очереди до 9 утра, чтобы узнать о том, что тебе ничего не осталось. Чтобы получить ланч, нужно было становиться в очередь в 10 утра, и тебе везло, если ты получал еду до 2 часов дня. Что касается ужина, никто о нем и не беспокоился, предпочитая получить увольнительную в Неаполь еще до того, как заканчивался ланч.

Мы жили в палатках, но наши вещи не были в безопасности, если мы не оставляли рядом с ними кого-то в качестве охраны. Мы с приятелями по очереди дежурили, чтобы палатка никогда не оставалась без присмотра. Половина людей в лагере были либо дезертирами, либо находились в нем неофициально. Никаких проверок не было, если не считать редких рейдов Военной Полиции. В нашей группе все получили справки о том, что мы находимся тут легально и ожидаем репатриации.

Я уже упоминал разложение, с которым мы столкнулись в Риме, но Рим был *воскресным школьным ликником* по сравнению с Неаполем. Город был забит дезертирами как из британской, так и американской армий. Эти две группы людей контролировали все: кафе, магазины, проституцию, сутенеров, даже снабжение бензином. Черный рынок процветал. Было трудно поверить в то, что творилось. Иногда между двумя группами происходили боестолкновения, и открыто объявлялись границы зон, контролируемых каждой из групп.

Никто не был в безопасности, и нам приходилось ходить по городу небольшими группами. Неаполитанцы растеряли все свое достоинство, предлагая все что угодно за еду или деньги, чтобы эту еду купить. Даже десятилетних детей предлагали купить за несколько лир. Существовала система рационирования еды, но продуктовые карточки, которые были у гражданского населения, были совершенно бесполезными. Все контролировалось спекулянтами. Несмотря на нехватку продуктов, в магазинах получше продавали деликатесы, и неаполитанцы позажиточнее, казалось, жили совсем неплохо. В недавнем прошлом в городе случилась эпидемия тифа. Что тут удивляться: весь город был грязным, замусоренным, вонючим, а водоснабжение было строго ограниченным.

Когда мы вечером возвращались в лагерь, нас заставляли выстраиваться где-то в миле от входа в него. Затем группами по 20 человек нас отводили в лагерь в сопровождении военных полицейских. Этим старались не дать кому-либо ограбить нас перед самым возвращением. Это было отвратительное место, так что мы вздохнули с облегчением, когда услышали новости о том, что нам пора упаковывать вещи и 23 ноября мы будем отправлены в Англию. Наконец-то мы были на пути домой, покидая этот город греха и лишений. Есть такие слова: «Увидеть Неаполь и умереть.» Что касается меня, то лучше всего видеть Неаполь с борта судна, которое проходит мимо острова Капри/Capri, когда город тает вдаль, а дым Везувия тихо поднимается в небо...

ДОМА

По пути домой я думал о том, что раз война изменила многое во мне, насколько она изменила Мюриэл? Я знал, что стал трудным в общении и временами циничным. Я боялся, что долгая разлука затруднит наше возвращение к тому, с чем мы расстались четыре года назад. Однако мои страхи оказались беспочвенными. Когда мы с Мюриэл встретились на вокзале, я уже знал, что все страдания и одиночество остались позади. Опять были слезы, но, на этот раз, это были слезы радости... Нам нужно было очень многое рассказать и сделать. Увидеть друзей, и вообще восполнить все то, что было потеряно за это время. Нужно было узнать, что произошло, где все

были это время. Кто женился или вышел замуж, а кого мы больше никогда не увидим. Люди хотели услышать от меня рассказы о том, что было на войне, но я чувствовал, что лучше говорить поменьше. Какие-то из воспоминаний были слишком болезненными, и я хотел просто забыть об этом. Я был рад тому, что живой, что прошел через все это целым и невредимым, но знал, что шрамы в моей памяти останутся навсегда...

Мой брат Деррик служил на юге Англии, и ему удалось приехать домой через несколько дней. Мой другой брат, Лисон (Leason), служил в Военной Полиции, так что мы с ним провели вместе совсем мало времени. Две недели пролетели быстро, но это было самым счастливым временем в моей жизни...

В ГЕРМАНИИ

Наступила весна, война в Европе подходила к концу. Войска переправились чрез Рейн в районе Ремагена/Remagen и Весселя/Wessel. К марту канадцы прорвались через Голландию к побережью Северного моря. Они захватили пусковые площадки для ракет, которые навели столько страха на города южной Англии. В первую неделю апреля были взяты Мюнстер, Оснабрюк и Минден/Minden, потом – Ганновер. И тут неожиданно пришла новость – меня отправляют в Германию! Я не мог поверить в это. Война почти окончилась, а мне опять в путь. Я был страшно расстроен!

Мы отплыли из Дувра и сошли на берег в Остенде/Ostende. Там мы уселись в грузовики и отправились в Германию. Все происходило очень быстро. К нам присоединялись другие транспортные колонны, и все это продвигалось на север-восток. Бронетехника и машины с войсками имели право первоочередного проезда, так что нам часто приходилось съезжать на обочины... Мы слышали о том, что немцев оттеснили к Берлину. Русские вошли в город и на Эльбе соединились с американцами. В Бремене были тяжелые бои, и ходили слухи о том, что экипажи подводных лодок сражались вместе с пехотинцами. Но и Бремени был взят.

Войска союзников захватывали каждый день новые города и деревни. Час за часом немецкая армия таяла. Был взят Мюнхен, немецкие войска в Италии капитулировали. Муссолини был схвачен итальянскими партизанами, его повесили и расстреляли - говорили, что вверх ногами. Мы проехали через развалины Оснабрюка и направились вглубь страны, останавливаясь только для того, чтобы дать дорогу боевым частям, наступающих на Гамбург. К началу мая все немецкие войска, находившиеся в Дании, Нидерландах и Северной Германии, капитулировали. Мы были просто зрителями. Мы даже из наших *Бренов* не сделали ни одного выстрела по врагу...

Русские наступали стремительно, вынуждая немецкие войска откатываться на запад, чтобы убраться подальше от своего злейшего врага. Ни один немец не хотел сдаваться русским. Позднее мы узнали, они пытались подписать сепаратный мир с британцами и американцами, но предложение было отвергнуто. Гитлер покончил с собой в своем бункере. Война закончилась. Мы въехали в Гамбург через несколько дней после того, как он был взят. Вид города был ужасающим. Внутренняя часть города и порт были разнесены вдребезги. Там, буквально, не было двух кирпичей, находившихся один на другом. Город превратился в кучу щебня. Пожары в пустых коробках домов все еще не прекратились. Были видны следы *Огненного Смерча/Fire Storm*, случившегося в городе во время ковровых бомбардировок. Бульдозеры сгребали щебень в кучи на обочины того, что когда-то было улицами и дорогами. Эти разрушения напомнили мне о Кассино... Зоопарк тоже был разбомблен, и животных можно было разглядеть сквозь руины. Над одной из стен торчала голова жирафа, возле озера бродил страус, вполне себе беззаботно. Саперы задействовали слона в сносе небезопасных зданий. Все эти сцены были жутковатыми и нереальными. Как кто-то или что-то могли выжить после таких бомбардировок, оставалось непонятным.

Вот уже три недели мы ехали по полностью разрушенной стране. Целые деревни были сожжены. Посевы были растоптаны и отравлены, дороги завалены. Гражданские сидели по обочинам дорог со своими пожитками в тачках и ручных тележках. Повсюду были тысячи немецких солдат, ожидающих, когда их соберут в колонны пленных. Вокруг было множество машин и грузовиков, брошенных из-за отсутствия бензина. Противотанковые пушки валялись на боку, рядом стояли немецкие солдаты, перевернувшие их в знак капитуляции.

Из Гамбурга мы тронулись на юго-восток через сосновые леса, в направлении города Целле/Celle, расположенный к югу от Ганновера. Это была страна Ганса Кристиана Андерсена и Братьев Гримм. Страна сказок и лесов. В лесах все еще попадались снайперы, и иногда были слышны визги пуль. Недавние военнопленные - русские, поляки, другие перемещенные лица – преследовали небольшие группы немцев. По всей этой территории были разбросаны лагеря для военнопленных, из которых они вышли на свободу.

Мы въехали в небольшую деревню Фаллинбостель/Fallinbostel, стоявшую на реке Аллер/Aller. Предполагалось, что это будет конечным пунктом нашего путешествия. Планировали, что здесь будет лагерь для резервных частей, но все пошло несколько по-другому. Бои закончились, так что нашей задачей стало поддержание безопасности и администрирование лагеря для резервов. Через день командование выяснило, что в лесах, вроде, находится концлагерь, и с ним нужно разобраться... На следующее утро мы уселись в грузовики и отправились по проселкам через лес. Сначала все было тихо, хотя мы натыкались на проволочные заграждения и бетонные ДОТы. Двигаясь глубже в лес, мы переехали и противотанковый ров. В итоге мы подъехали к воротам огромного концлагеря, огражденного высокими проволочными заборами с наблюдательными вышками. Над воротами была надпись: «Belsen». Мы все слышали рассказы о концлагерях, но были настроены слегка скептически по отношению к тому, насколько вероятны такие зверства. Но здесь мы и были у врат самого ада...

Подразделение саперов было уже в лагере. Первое, что нам предстояло сделать – доложить о себе в дезинфекционном пункте. Рядом с пунктом висел указатель: «Typhus, Report Here/Тиф. Пройдите сюда.» Нам выдали комбинезоны, бахиллы и лицевые маски, затем осыпали каким-то порошком. Вонь стояла ужасная, и нам сказали, когда мы проходили через ворота, что нас ждет шок. Так или иначе, это место нужно было очистить. Все бараки предстояло сжечь, а нашей задачей был контроль над работой бывших охранников-эсэсовцев, которые перетаскивали умирающих и хоронили умерших.

Когда мы вошли в лагерь, слева от нас стояла сенная телега с высокими стойками по бокам. Она была заполнена обнаженными трупами. Мертвецы, дети и младенцы. Ужасное зрелище, страшная вонь. Некоторых из нас стошнило. Все тела выглядели, словно обтянутые кожей скелеты, из которых торчали кости и у которых были вспучены животы и отечные, принявшие форму яиц головы. Глаза их запали в глазницы, нижние челюсти висели. Мы даже не знали, были это женщины или мужчины. Все было неподвижным и выглядело, как куча мусора. На некоторых были полосатые брюки, другие были голыми. Тела были грязными, серого цвета, усеянными мухами...

В одной из углов лагеря бульдозеры вырыли огромную траншею. Она была футов восемь в ширину и пятьдесят в длину. Еще дальше группа эсэсовцев сбрасывали трупы в подобную траншею. Трупы укладывали рядами. Немцам приходилось ломать им руки и ноги, чтобы уложить их пологими слоями. Бульдозеры закапывали ямы с трупами, но до того, как земля закрывала братские могилы, на трупы высыпали известь из бочек...

У бараков не было окон, поэтому нашим глазам понадобилось время, чтобы привыкнуть к мраку после того, как мы входили в них. В бараках были ряды нар по обе стороны, почти до крыши. На нарах лежали людские тела, голые и издававшие смрад. Некоторые из них слабо стонали и спазматически подергивались. Они были слишком слабы, чтобы кричать. Запах был невыносимым

и тошнотворным... Группы молоденьких британских солдат медленно и осторожно вытаскивали их на носилках и укладывали в грузовики. Их отвозили в расположенный неподалеку тренировочный центр танкистов СС, который превратили в госпиталь.

Эсэсовцы собирали мусор в большие кучи и жгли их. Всюду были крысы размером с кролика, некоторые из них обгрызали трупы, все еще валявшиеся вдоль проходов. Некоторые бывшие заключенные бродили по лагерю, потеряв рассудок. Одна женщина сидела и, смеясь, гладиладохлую крысу... Временами было трудно отличить труп от живого человека. Иногда одно из тел, уже уложенных в траншею, начинало двигаться, и его приходилось вытаскивать из могилы. Многих, должно быть, похоронили живыми.

Женщин-охранников держали в большом деревянном бараке. Они были угрюмы и не показывали признаков раскаяния. Среди них была высокая блондинистая бестия. Нам сказали, что это Ирма Грезе (Irma Grese), подруга коменданта лагеря Крамера. Каждый день ее водили по лагерю под конвоем, закованной в цепи.

После того, как бараки были очищены от оставшихся в них людей, часть из которых оказалась в госпиталях, а часть в братских могилах, мы сожгли их с помощью огнеметов. Местную *знать* и чиновников привезли в лагерь из близлежащего города Целле. Им показали свидетельства зверств их нацистских хозяев. Затем их заставили рыть туалеты и помогать в захоронении [умерших] в братских могилах. Все бургомистры и чиновники клялись, что они не знали о происходившем здесь. Они говорили, что доступ к этому участку был ограничен и никому не разрешалось находиться даже в нескольких милях от лагеря. Они знали, что тут был концлагерь, но никому не было разрешено побывать на его территории. Они даже стали обвинять *RAF* в создании препятствий для подвоза продовольствия и медикаментов [в лагерь]. Сам Крамер признался в том, что не мог справиться [с проблемами]. У него не было продовольствия, медикаментов или людей, чтобы содержать лагерь в сносном состоянии. Он сказал, что захлебывался от потока людей. Лагерь предназначался для 3 000 человек, но под конец в нем было в 10 раз больше. В дополнение к этому, прекратился подвоз продовольствия. Это было его отговоркой, но он не объяснил, чем являлось подразделение для медицинских экспериментов и или для чего были нужны газовые камеры с крематорием. И как он мог объяснить присутствие абажура из человеческой кожи на лампе в своем офисе?

Бывшие охранники-эсэсовцы складывают трупы в прицеп грузовика. Гражданские лица из соседних городов «знакомятся» со свидетельствами зверств нацистов

<https://www.iwm.org.uk/history/the-liberation-of-bergen-belsen>

Каждый день в течение недели мы приезжали в лагерь. Отделяли живых от мертвых, жгли бараки. Каждый день в братские могилы нужно было уложить сотни трупов. Меня тошнило от этого, как ни от чего другого, что я испытал в прошлом. Это был сам ад. Каждое утро мой желудок выворачивало наизнанку, когда я входил на территорию лагеря. Я ничего не ел целую неделю. Было это тем, ради чего случилась война? Выбросило ли людское бесовство свой последний козырь? Мир сошел с ума, и Бельзен был *Армагеддоном* вселенной...

Британцы сжигают постройки концлагеря Берген-Бельзен

<https://www.iwm.org.uk/history/the-liberation-of-bergen-belsen>

На нашу базу прибыли новые подразделения, так что мы вернулись в резервную часть в Фаллингбостель. Я попрощался навсегда с крематорием и вернулся в мир относительного благоразумия. Но память обо всем этом осталась со мной навсегда. Даже сегодня эти воспоминания врываются в моей голове, и я обливаюсь потом и трясусь от ночных кошмаров в собственной постели...

Заключенные Берген-Бельзена

<https://www.iwm.org.uk/history/the-liberation-of-bergen-belsen>

В этом районе было много лагерей для военнопленных, и, по мере того, как заключенных увозили домой, эти лагеря заполнялись немецкими солдатами. Каждое утро мы собирали до 50 немецких военнопленных и развозили по лагерям. Там их заставляли наводить чистоту и выполнять все необходимые работы. Я проводил целые дни, командуя 25 военнопленными, наблюдая, как они роют себе сортиры, чистят старые конюшни и проводят свои лагеря в порядок.

Все они говорили одно и то же. Никто из них не был нацистом, они просто выполняли приказы. Они не хотели этой войны. Их заставили принять в ней участие. Гитлер был сумасшедшим, а настоящими правителями были СС. У них был выбор: или выполнять приказы, или быть расстрелянным, или же, что было хуже всего, - отправиться на *русский* фронт. Лучшее, на что они могли рассчитывать при неподчинении приказу, - это быть отправленным в концентрационный лагерь. Все, что случилось, - это не их вина: они были просто пешками в параноидальных планах Гитлера.

Наконец пришло лето, стало тепло и солнечно. Суматоха постепенно ушла в прошлое, стал формироваться кое-какой порядок. Тысячи перемещенных лиц, которых загнали в трудовые батальоны Рейха, разбрелись по стране после капитуляции Германии. Поляки, русские, украинцы, эстонцы, венгры и чехи стали собираться в банды, одержимые чувством мести. Они стали заниматься разбоем в районе Ганновера и Люнебурга/Lüneburg. Монгомери издал приказ британским военным о «запрете на братание» [с местными]. Ни один из военнослужащих не имел больше права контактировать или вступать в беседы с немецкими гражданскими лицами за исключением ситуаций, связанных с несением службы. Это противоречило настрою большинства [наших] парней, которым было присуще добродушие...

Тем временем по всей стране пронеслась волна грабежей, мародерства и изнасилований. К этому прибавились отвратительные *Рейды Мести/Vengeance Raids* на немецкие фермы и деревни. Все немецкое разрушалось без разбора. Фермы сжигались, скот убивали, женщин насиловали. Погромщики уничтожали посевы, разбивали трактора, рушили постройки. Все это делалось в лихорадочных порывах мести за годы плена и рабства и было движимо накопленной ненавистью.

Восстание против немцев перешло в бесконтрольный садизм... Мы получили приказ организовать патрули, охраняющие небольшие фермы и деревни, и защитить немецкое население от гнева бывших военнопленных и рабов. Это стало нашим вкладом во внутреннюю безопасность...

Неподалеку от Фаллингбостеля было создано два лагеря для перемещенных лиц. Один был для поляков, другой для русских. Это было то же самое, что пытаться смешать воду и масло. Поляки ненавидели русских, а русские – поляков. Бои между теми и другими стали повседневностью. Некоторыми ночами, проведя время в центре УМСА***** в соседней деревне, мы возвращались в свой лагерь ползком, по канавам, пока противоборствующие стороны палили друг в друга поверх наших голов. Наступило утро, когда мы обнаружили, что русские прислали поезд, чтобы забрать своих, так что их лагерь опустел. Страсти после этого поостыли.

Наша часть к этому времени была уже хорошо организованной. Каждый день приезжали новые люди. Кто-то уезжал в отпуск, другие. Мне поручили отвечать за развоз резервов. У нас было десять трехтонных грузовиков, каждый день в них усаживали людей и отправляли в их части, разбросанные по всей стране. Некоторые из этих поездок занимали до десяти дней. Было приятно ездить через леса и поля в летнее время. Как долго занимала поездка, никого не волновало. У нас было разрешение брать себе пищевые рационы и бензин где только возможно. Мы жили хорошо и выбирали себе наилучшие места для ночлега. Никто нас не контролировал, время принадлежало нам...

Наконец стала известна точная дата моего отъезда. Я должен был быть демобилизован 23 января 1946 года. Покинуть свою часть и отправиться в Англию мне предстояло в начале января. В ночь перед моим отъездом ребята решили организовать большой банкет. На тот момент мы жили в конюшне. Каждое стойло было личным спальным местом. В центре конюшни мы поставили большие деревянные столы и печки, которые где-то раздобыли. Печки гудели весь день. Немецкие военнопленные были нашими денщиками, и им полагалось следить за тем, чтобы для печек всегда было топливо.

Банкет был хорошо организован, повара постарались на славу. Были пирожные, банки с фруктами, колбаса, ветчина, жареные цыплята и полно вина и пива. Все перепились, закончилось все тем, что все нарядились туземцами из джунглей. Солону из-под винных бутылок использовали для юбочек, кожу вымазали гуталином и какао. Ближе к полночи заявился майор, но, увидев, что мы играем в Тарзана*****, прыгающего с лианы на лиану, выпил разок и оставил нас в покое.

Утром еще с десятком парней я уселся в грузовик. Он был украшен флагами и гирляндами, на нем был баннер с надписью: «Следующая остановка – Англия!» Мы остановились у офиса УМСА, чтобы попрощаться. Нам всем вручили по упаковке сигарет и пожелали всего наилучшего... В Ганновере мы уселись на поезд, и началось ужасное путешествие в Кале. Мосты были раздолбаны, купе были просто холодильниками, а ехали мы медленно, как никогда. Однако это было наше последнее путешествие по Германии, и каждая миля означала, что мы на милю ближе к дому. Море на пути из Кале штормило, но я был настолько возбужден, что мне показалось, что оно заняло одно мгновение.

Белые клифы Дувра приближались. И вот я спускаюсь с деревянного трапа и сажусь на поезд, идущий на север... Как давно меня призвали на службу в *Милиции* всего на шесть месяцев – было это в июле 1939 года...

Примечания

- * *Кларк - Mark Wayne Clark (1896–1984), трехзвездный генерал, командующий 5-й Армией США в Италии*

- ** *Александр – фельдмаршал Harold Rupert Leofric George Alexander (1891-1969), командующий британской 15-й Армейской Группой в Италии, с декабря 1944 г. – главнокомандующий силами союзников в Италии*
- *** *Кессельринг – генерал-фельдмаршал Люфтваффе Albert Kesselring (1885- 1960), командующий германскими силами в Италии*
- **** *Грациани - маршал Rodolfo Graziani (1882-1955) – в 1940-41 годах главнокомандующий вооруженными силами Италии в Северной Африке*
- ***** *Вальхалла - в германо-скандинавской мифологии — небесный чертог для павших в бою, рай для доблестных воинов*
- ***** *Jammy Bastards – жаргонное определение для удачливых парней*
- ***** *YMCA - Young Men's Christian Association — Юношеская христианская ассоциация - молодёжная волонтерская организация*
- ***** *Тарзан - вымышленный персонаж, созданный писателем Эдгаром Райсом Берроузом и впервые появившийся в книге «Тарзан, приёмный обезьян» (англ. Tarzan of the Apes, 1912). Присутствовал во многих экранизациях между мировыми войнами.*

По книге

James Palmer. The Militia Boy. 2018

Сокращенный перевод и обработка – Владимир Крупник

[Часть 1](#) – Франция, 1940

[Часть 2](#) – Северная Африка, 1941

[Часть 3](#) – Бирма, 1942

Возврат к главной странице www.warsstory.org